

М.М. Сафонов

К ИСТОРИИ УБИЙСТВА ПЕТРА III (Е.Р. ДАШКОВА И Ф.В. РОСТОПЧИН)

В 1840 г. в Англии появилось довольно любопытное свидетельство того, что российская императрица Екатерина II была абсолютно не причастна к убийству ее мужа, императора всероссийского Петра III. В лондонском издательстве «Генри Колберн» вышла книга «Memoires of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of Russias: Written by Herself»¹. К печати текст подготовила Марта Брэдфорд, ирландская знакомая княгини. Пять лет — с 1803 по 1808 гг. — она провела в России, в гостях у Дашковой. Ирландка прониклась ее интересами, участвовала в создании мемуаров и взялась быть их издательницей². В мемуарах говорилось буквально следующее.

«Whoever has the wickedness to suspect the empress of having directed, or ever connived at the murder of her husband, will find an absolute proof of the injustice of these suspicions in a letter still existing, which she received from Alexis Orloff, written in his own hand, a few moments after the horrible deed had been perpetrated. Its style and incoherence mark strongly, in spite of his drunkenness the terror and wildness of his apprehensions, while he solicits pardon for the act in the most supplicatory language.

This important letter was preserved with great care by Catherine the Second, amongst other documents of consequence, in a casket, which at her death, by order of Paul, her successor, prince Bezborodca was appointed to examine, and to read the papers it contained in his presence. When he had finished reading this letter of Alexis Orloff, Paul making the sign of the cross, exclaimed: “God be praised! The few doubts I had on this subject relative my mother are now dissipated”. The empress and Mdlle Nelidoff were present and it was

commanded by the emperor that it should be read also to the grand duces and to count Rostopchin.

To those who revered the name of Catherine the Second, nothing could be more consolatory, than such a discovery; and though proofs were never wanting for my own conviction, no circumstance of my life ever afforded me more lively satisfaction than the certainty of an existing document like this, which would for ever silence a most foul calumny on the fame of a sovereign who amidst all her frailties, was of conceiving even the shadow of such a crime»³.

«Если кто-нибудь возьмет на себя грех заподозрить императрицу в том, что она отдала приказание или как-либо потворствовала убийству своего мужа, то этот человек найдет неоспоримое доказательство того, насколько несправедливы такие подозрения. Оно заключается в письме, до сих пор существующем, которое императрица получила от Алексея Орлова. Оно написано его собственной рукой сразу же после того, как это ужасное дело было совершено. И слог этого письма, и бессвязность его ярко запечатали, что он был совершенно пьян. То, как он унижительно вымаливает себе прощение за содеянное, отражают ужас и великий страх, коими он был охвачен. Екатерина II тщательно берегла это важное письмо в шкатулке среди других важнейших документов. В момент кончины наследник ее Павел приказал князю Безбородко вскрыть шкатулку и прочитать при нем бумаги, в ней находившиеся. Когда Безбородко окончил чтение, Павел перекрестился и воскликнул: “Слава Богу! Малейшие подозрения, которые были у меня относительно участия в этом деле моей матери, теперь рассеялись навсегда”. Императрица и мадемуазель Нелидова присутствовали при этой сцене. Император приказал, чтобы это письмо было прочитано великим князьям и графу Ростопчину.

Для того, кто благоговееет перед памятью Екатерины II, ничего не может быть утешительней, чем это открытие. Хотя для моей собственной уверенности никаких доказательств не требуется, но ничто не приносило мне такого истинного удовлетворения в течение всей жизни, как тот несомненный факт, что такой документ существует. Он заставит замолчать навсегда отвратительнейшую клевету на прославленную монархиню, коя имела слабости, но не допускала и мысли о таком преступлении».

Сорок лет спустя в Москве был опубликован и текст этого «an absolute proof» — несомненного доказательства невинности императрицы. В 1881 г. издатель «Русского архива» П.И. Бартенов обнародовал письмо А.Г. Орлова Екатерине II. Оно было обнаружено среди фамильных бумаг князей Воронцовых, к роду которых принадлежала и Е.Р. Дашкова, автор мемуаров. Текст гласил: «Матушка милосердая Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души на век»⁴.

Правда, это было не подлинное письмо, а только копия, снятая неизвестной рукой. К ней было приложено объяснение Ф.В. Ростопчина. В объяснении говорилось о том, что при разборе бумаг, оставшихся после смерти Екатерины II, вел. кн. Александр и А.А. Безбородко обнаружили это письмо и предоставили его Павлу I. По словам Безбородко, по прочтении царь вернул ему этот документ, а затем потребовал назад и, прочитав вновь в его присутствии, бросил в камин, о чем впоследствии очень сожалел. Хотя Павел «сам истребил памятник невинности Великой Екатерины», Ростопчин четверть часа держал его в руках. По словам Ростопчина, «бумага — лист серой и нечистой, а слог означает положение души сего злодея и ясно доказывает, что убийцы опасались гнева Государыни, и сим избличает клевету, падшую на жизнь и память сей Великой царицы»⁵.

Из этого объяснения явствовало, что подлинника письма Алексея Орлова в 1840 г., когда в Лондоне были обнародованы мемуары Дашковой, уже полвека как не существовало. Он был уничтожен сразу же после смерти Екатерины. При этом Ростопчин как бы между прочим отмечал, что все сведения об этом исходят от А.А. Безбородко, сам же Федор Васильевич лишь фиксирует его рассказ. Два века спустя, в 1996 г., выяснилось, что такого письма не существовало вовсе. Московский исследователь О.А. Иванов убедительно доказал, что письмо А.Г. Орлова об убийстве Петра III является апокрифом, созданным самим Ф.В. Ростопчиным⁶.

По словам О.А. Иванова, появление этого письма «можно было бы объяснить попыткой защитить доброе имя Екатерины II. Но одновременно с внешним сомнительным оправданием в <...> письме есть несколько неприятных намеков на грехи императрицы»⁷.

«Письмо ставило Екатерину в очень неудобное положение: преступники сами называли себя, значит, требовалось принять меры против них». Но Екатерина II на это не пошла. Более того, по мнению О.А. Иванова, она «должна была сразу уничтожить» такое письмо «и не столько для покрытия Орлова и Барятинского, сколько для сохранения собственного имени»⁸. Последнее утверждение выглядит довольно странно: «для сохранения собственного имени» императрица должна была не уничтожать этот документ, а беречь его как зеницу ока. Ведь это был «памятник ее невинности».

Исследователь утверждал, что фраза «но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя!» «совершенно недвусмысленно направлена против Екатерины, отнявшей престол, свободу и жизнь у своего мужа»⁹.

На самом деле фраза направлена не против Екатерины, но за нее. Она подтверждает, что убийство не было заранее спланировано, ни самое императрицей, ни сотоварищами А.Г. Орлова. Очевидно, «оправдание» вовсе не сомнительное, а как раз наоборот, полное. Настолько полное, что трудно было бы изобрести какой-либо другой документ, который так бы оправдывал Екатерину в глазах всего света.

О.А. Иванов был убежден, что апокриф Ростопчина направлен, прежде всего, против Ф.С. Барятинского и А.Г. Орлова¹⁰.

Что касается Ф.С. Барятинского, то, согласно исследователю, Ростопчин «имел все основания не любить эту фамилию». В молодости у Ростопчина был конфликт с племянником «князя Федора» И.И. Барятинским. И сочиненное письмо, якобы написанное А.Г. Орловым, являлось своеобразной мстью всему этому роду.

Что же касается самого А.Г. Орлова, который изображен «трусливым, жалким, пьяным злодеем», то, по мнению исследователя, «существует несколько причин, почему Федор Васильевич мог невзлюбить А.Г. Орлова». В числе их О.А. Иванов называет следующие. У Ростопчина был конфликт с Н.П. Паниным, а дочь брата А.Г. Орлова Владимира являлась его женой. После убийства Павла I стараниями Панина А.Г. Орлов был вызван Александром I из заграничной ссылки, в то время как Ростопчин по-прежнему оставался в полуопале. Не мог смириться Федор Васильевич и с тем, что А.Г. Орлов превзошел его

в разведении верховых лошадей. Русский посол в Лондоне С.Р. Воронцов помогал А.Г. Орлову выписывать породистых скакунов из Англии, однако на просьбу о том же Ф.В. Ростопчина дипломат ответил отказом. Этим он нанес Ростопчину смертельную обиду. Не мог Ростопчин смотреть спокойно на примирение двух враждующих родов: Дашковой и Орловых. Ростопчину, пребывавшему в полуопале, было неприятно узнать, что Александр I назначил А.Г. Орлова командующим милицейской области и удостоил благосклонного рескрипта. «Наконец, сам граф Орлов — мужественный человек, силач, умница, хлебосол, благотворитель, истинно русский человек, несомненно затмевал Ростопчина, постоянно говорившего о своей русскости и критиковавшего склонность к иностранному. <...> Но слишком яркого представителя “дедовских нравов” он также не мог вынести»¹¹.

Думается, что попытка исследователя выдвинуть на первый план ненависть Ф.В. Ростопчина к А.Г. Орлову представляется малоубедительной. Ведь, по сути дела, кроме зависти Ростопчина к тому, что Павел I довольно снисходительно отнесся к убийцам своего отца, и ревности к успехам в разведении орловских русаков никаких других мотивов к созданию апокрифа О.А. Иванов найти не смог.

Между тем главная идея исследователя — письмо обличает А.Г. Орлова как убийцу Петра III, хотя и не непосредственного — вызывает возражения. Ведь никто из современников и не сомневался в вине А.Г. Орлова, независимо от того, сам ли он убивал императора или только нес охрану свергнутого царя, когда с ним расправились. Думается, главное заключается совсем в другом. Не заклеймить А.Г. Орлова, а обелить Екатерину — такую цель ставил перед собой автор мистификации. Ведь это ценнейшее свидетельство непричастности супруги к убийству мужа, важнейший сертификат невиновности Екатерины II. Именно так сам Ростопчин определил суть своего апокрифа. По его словам, это «памятник невиновности Великой Екатерины»¹². Слог же этого «памятника», запечатлевший в себе душевное состояние преступника, «ясно доказывает, что убийцы опасались гнева Государыни, и сим избличает клевету, падшую на жизнь и память сей Великой царицы»¹³.

В самом деле, «Орлов», кажется, специально строит свое письмо именно так, чтобы дать как можно больше доказательств неосведомленности Екатерины о том, что делалось в Ропше. Мольба о прощении за неумышленное преступление, просьба не проводить расследования — виновные сами признаются и просят помиловать за убийство.

Трудно было бы придумать, какой-либо другой текст, который в большей степени снимал бы с Екатерины II любые подозрения в ее причастности к убийству. Именно для этой цели апокриф и создавался. На что недвусмысленно указывает и сам Ростопчин, поместив в своем объяснении фразу о том, этот документ «изобличает клевету, падшую на жизнь и память сей Великой царицы».

Какой резон был у Ростопчина так обелять Екатерину II? Тем более если учесть, что он был верный сторонник Павла I, ненавидевшего свою мать всеми фибрами души?

«Трудно сейчас сказать, — писал А.О. Иванов, — как возникло это письмо. Возможно, оно появилось под действием разговоров с Дашковой, так сказать на лету, по ходу очередного устного рассказа»¹⁴. Исследователь предположил, что скорее всего Ростопчин после прочтения «Записок» Дашковой сообщил ей содержание письма Орлова. Другими словами, Ростопчин сымпровизировал, а затем очень удачно использовал свою «выдумку», ибо «любой сколько-нибудь вероятный материал, обелявший императрицу, должен был быть принят, как говорят, на ура, а человек его сообщивший, становился истинным другом» Е.Р. Дашковой¹⁵.

Очевидно, в данном случае О.И. Иванов был близок к истине, хотя его предположение требует уточнения.

В первые годы царствования Александра I Ростопчин пребывал в немилости и мечтал возвратиться на политический Олимп. Дашкову и Ростопчина объединяло неприятие либерального курса Александра I и общий консервативно-националистический настрой. Именно Дашкова могла помочь ему найти покровителей среди консервативно мыслящих верхов. Она была статс-дамой, имела обширные связи при дворе и среди русской аристократии. Кроме того княгиня была крестницей любимой внучки Екатерины II вел. кн. Екатерины Павловны¹⁶.

Именно на содействие сестры царя рассчитывал Ростопчин. Поэтому он тщательно «ухаживал» за Дашковой. 18 октября 1803 г. Ростопчин сообщил брату Екатерины Романовны С.Р. Воронцову, что виделся с Дашковой в некоторых московских домах. «Мы не могли довольно наговориться, — писал Ростопчин, — поспорить между собой. Она чересчур пристрастно судит о делах и не хочет убедиться, что изменения и новизны приносятся самим временем. Ей все кажется, что она живет в 1762 г., и она никак не хочет убедиться, что лучший способ спокойно смотреть на современные события заключается

в невозможности устранить зло и в ограничении своей деятельности определенным, непереступаемым кругом»¹⁷.

Именно в это время Дашкова, если верить словам Ростопчина, была от него в восторге. 4 февраля 1804 г. Ростопчин не без самодовольства сообщил П.Д. Цицианову: «Она от меня без памяти, пишет, и я должен отвечать, читать у ней все важные переписки, а она кстати и некстати кричит, что она в своей жизни нашла лишь трех человек, кои делают честь людям: Фридриха Великого, Дидерота и меня»¹⁸.

Несмотря на иронию, сквозившую в этих строчках, Ростопчин не брезговал ничем, чтобы добиться расположения княгини. Когда Дашкова позволила ему снять копию с письма Дидро, ей адресованную, Ростопчин не остановился перед откровенной лестью. «Превосходный философ, могучий оратор, глубокий наблюдатель; природа была страстью его; пламенная душа его прорывалась охватить великие произведения Вечного. Отсюда вытекало уважение его к княгине Дашковой»¹⁹.

Ростопчин появлялся у Дашковой в 1804, 1805 и 1806 гг. «Граф Ростопчин — человек очень приятный», — записала Марта Вильмот в своем дневнике 11 июня 1804 г. День спустя она отметила: «Граф Ростопчин произвел чрезвычайно хорошее впечатление»²⁰.

21 июня 1805 г. она же зафиксировала визит Ростопчина: «Мы сиделись допоздна, разговор вращался вокруг различных событий русской истории»²¹. Но они не только беседовали о 1762 годе и читали «у нее все важные переписки». В 1804–1806 гг. Дашкова вместе с Мартой Вильмот работала над своими «Записками» — «Mon histoire». В 1813 г. М. Вильмот писала брату Екатерины Романовны, С.Р. Воронцову, что Ростопчин был знаком с «Записками» Дашковой и ему было хорошо известно ее намерение издать рукопись за границей²².

Если верить издательнице, ставшей после замужества Мартой Брэдфорд, одной из главных причин, побудивших автора создать мемуары, было стремление разоблачить «все хитросплетения лжи и гнусные измышления, возведенные на Екатерину Великую некоторыми французскими писателями».

Зная, что Екатерина II противодействовала «злу», которое причинили Франции иллюминаты и самозванные философы, французские писатели опасались могущества этой «великой и замечательной личности». Поэтому, дабы отомстить ей, они напали на ее «безвинного друга» Е.Р. Дашкову, постарались отнять самое дорогое — «безупречную репутацию»²³.

Среди французских писателей, так досадивших императрице, особое место занимал Ж.-А. Кастера, автор книги «Жизнь Екатерины II»²⁴. Именно он написал самое скандальное сочинение о Мессалине Севера. В нем более всего досталось Е.Р. Дашковой, «ближайшей наперснице» Екатерины II. Княгиня была настолько возмущена этой книгой, что решила писать опровержение и оставила на ее полях 219 пометок. Маргиналии писались в три приема²⁵.

Первоначально Дашкова отмечала ошибки и неточности автора, касавшиеся лично ее. Затем, при повторном чтении, она оставила на полях книги развернутые примечания, предназначенные обличить незнание автором исторической действительности и российских реалий. Наконец, в третий раз она дополнила все то, что пропустила при предыдущем чтении. Первый слой замечаний был рассчитан на то, что читатель, держащий в руках книгу Кастера, должен был получить уточненные сведения. Второй и третий слои замечаний представляли собой альтернативную версию событий, описанных Кастера. Именно они были использованы при создании мемуаров самой Дашковой. Не случайно мемуары княгини носили название «Mon histoire». Последующие издания книги Кастера выходили под название «Histoire de Catherine II» — «История Екатерины II»²⁶. Дашкова не могла не знать об этом. Называя свои мемуары «Mon histoire», то есть «Моя история», княгиня как бы противопоставляла свое сочинение книге Кастера. Там история Екатерины II, а вот моя история.

Одна из основных идей книги Кастера, который черпал свой фактический материал из проникнутой тем же духом книги К.-К. Рюльера «История и анекдоты о революции в России 1762 года»²⁷, заключалась в том, Россия — варварская страна, управляемая самодержцами — деспотами и преступниками. Наиболее тяжкое обвинение Кастера против Екатерины заключалось в том, что она преступным образом завладела российским престолом, убила своего мужа, а потом успешными реформами старалась заставить подданных забыть о своих преступлениях²⁸.

Одна из главных задач Дашковой, когда она создавала «Mon histoire», заключалась в том, чтобы показать: переворот 1762 г. совершили патриоты, воцарение Екатерины было неизбежно и закономерно. Княгиня взяла на себя всю ответственность за подготовку и проведение «серальной революции» 1762 г. Так, по крайней мере, дело представлено было в ее мемуарах. Дашковой было очень важно опровергнуть тяжелое обвинение Екатерины II в убийстве мужа. Она не

могла не сознавать, что косвенно обвинения в насилии над Петром III ложатся и на нее.

Если верить мемуаристу Д. Тибо, Дашкову прямо обвиняли в участии в убийстве императора. Один из таких случаев с княгиней произошел в Париже. «Во время прогулки по саду Тюильри, — пишет Д. Тибо — она была узнана одним из парижан, который воскликнул: “Вот русская княгиня, которая приказала задушить Петра III”. Сразу же вокруг нее собрался тесный кружок зевак. Дашкова в гневе вернулась домой, потребовала лошадей и покинула Париж»²⁹.

Даже если это колоритная сцена не имела места в действительности, Екатерина Романовна сознавала что, поскольку она стояла во главе переворота, стоившего Петру жизни, она не может не быть ответственной и за его смерть, хотя не имела к ней прямого отношения. Поэтому ей было совершенно необходимо показать, что не только она, но и сама Екатерина II абсолютно не причастна к этому преступлению.

Книге Кастера была представлена подробная картина убийства Петра III.

«Il y étoit depuis six jours sans que d'autres personnes que les chefs des conjurés et les soldats qui le gardoient s'en doutassent, lorsqu'Alexis Orloff et un officier nommé Téploff se présentèrent à lui, et lui dirent qu'ils venoient lui annoncer sa prochaine délivrance et lui demander à dîner. Aussitôt on apporta, suivant la coutume du Nord, des verres et de l'eau-de-vie; et tandis que Téploff tâchoit de distraire le Czar, Orloff remplit les verres et versa, dans celui qui devoit porter la mort dans le sein du prince, un breavage qu'un médecin de la cour avoit eu la lâcheté de composer à cet effet. Le Czar, sans défiance, prit le poison et l'avalâ. Mais bientôt il éprouva de cruelles douleurs, et Orloff ayant voulu lui offrir un second verre, il le refusa et lui reprocha son crime.

Il demandoit du lait à grands cris, mais les deux monstres lui présentoient encore du poison et le pressoient de le prendre. Un valet-de-chambre français, qui lui étoit très-attaché, accourut. Le Czar se précipita dans ses bras, en disant: “Ce n'étoit donc pas assez de m'empêcher de régner en Suède et de me ravir la couronne de Russie! on veut encore m'ôter la vie”.

Le valet-de-chambre osa intrecéder pour son maître, mais les deux scélérats forcèrent ce dangereux témoin de sortir et continuèrent

à maltraiter le Czar. Ce fut au milieu de ce tumulte que le plus jeune des princes Baratinsky, qui commandoit la garde, entra. Orloff qui avoit déjà renversé le Czar lui pressoit la poitrine avec ses genoux, tandis que d'une forte main il le tenoit à la gorge et que de l'autre il lui serroit le crâne. Baratinsky et Téploff lui passèrent alors une serviette, avec un noeud coulant, autour du cou. Pierre, en se débattant, fit au visage de Baratinsky une égratignuré dont ce traître porta assez longtemps la marque; mais bientôt l'infortuné Czar perdit ses forces, et les meurtriers achevèrent de l'étrangler .

Alexis Orloff monta aussitôt à cheval et vint à toute bride annoncer à Catherine que Pierre III ne respiroit plus».

«В течение шести дней никто, кроме главных заговорщиков и солдат, его охранявших, ничего не подозревал, когда вошли к государю Алексей Орлов и офицер Теплов. Они уверили государя, что его скоро освободят, и просили позволения отобедать с ним. Тотчас подали по русскому обычаю бокалы и водку. В то время как Теплов пытался отвлечь государя, Орлов наполнил бокалы и влил в тот из них, который должен был принести в его утробу смерть, жидкость, кою имел подлость приготовить один из придворных врачей на этот случай. Петр, ничего не подозревая, принял отраву и выпил ее разом. Но вскоре он почувствовал ужасную боль, а Орлов предложил ему второй бокал, Петр отказался и стал упрекать его за содеянное преступление. С сильным криком он потребовал молока, но два изверга снова предложили ему отраву и настаивали, чтоб он ее выпил.

Императорский слуга, родом француз, душою преданный царю, прибежал на шум. Государь упал ему на руки, закричав: «Мало того, что не дали мне возможность царствовать в Швеции и отняли у меня российскую корону, теперь хотят лишить и самой жизни!»

Слуга осмелился вступить за своего государя, но два негодяя выгнали опасного свидетеля вон и снова продолжали мучить царя. Во время этой сутолоки вошел младший из князей Барятинских, коей стоял во главе караула. Орлов уже успел повалить государя на пол и, наступая коленками на грудь, одною рукою давил ему горло, а другою притиснул ему голову. Теплов и Барятинский накинули ему на шею салфетку с петлей. Петр,

сопротивляясь, сделал на лице Барятинского царапину, след коей весьма долго на нем оставался. Но вскоре силы оставили несчастного государя и убийцам удалось удушить его.

Алексей Орлов сел на коня и помчался во весь опор объявить Екатерине, что Петр более не дышит»³⁰.

Читая этот отрывок, Дашкова сделала весьма любопытные отметки на полях. Против фразы: «lorsqu'Alexis Orloff et un officier nommé Téploff», то есть «когда Алексей Орлов и офицер Теплов» княгиня написала: «Il n'avoit pas officieux de nom Téploff», то есть: «Не было угодника по имени Теплов»³¹. Во фразе «Orloff remplit les verres et versa, dans celui qui devoit porter la mort dans le sein du prince, un breavage qu'un médecin de la cour avoit eu la lâchete de composer à cet effet», то есть «Орлов наполнил бокалы и в тот из них, который должен был принести смерть в чрево государя, влил жидкость, которую на этот случай подло приготовил придворный медик», Дашкова отметила слово «un breavage» («жидкость») и написала: «C'est faux», то есть: «Это неправда»³².

Против слов «Baratinsky et Téploff lui passèrent alors une serviette, avec un noeud coulant, autour du cou», то есть «Барятинский и Теплов тогда набросили ему на шею салфетку с петлей», княгиня написала: «M-g Téploff conseiller intime et le seul de se nom n'a pas été à Ropsha», что означает «Теплов, негласный советник, только он имел такую фамилию, но он не был в Ропше»³³.

Из этих маргиналий следует: Дашкова отрицала участие близкого к ней Г.Н. Теплова в убийстве Петра III. Отвергала она и сообщение Ж.-А. Кастера о том, что императора отравили. Но все же остальное, что было описано французским автором, она не подвергла сомнению, то есть сочла достоверным: Орлов, повалив Петра, наступил ему коленями на грудь, Барятинский накинул на шею салфетку и задушил его.

Дашкова, несомненно, знала, как произошло убийство. Поэтому ее маргиналии — важнейшее свидетельство о трагедии в Ропше.

Тем более странно выглядит ее другое замечание, сделанное, по всей видимости, несколько позже, при вторичном чтении. Ж.-А. Кастера упомянул о том, что, расправившись с Петром, Алексей Орлов сел на лошадь и поскакал в Петербург сообщить Екатерине о случившемся. После этого упоминания Дашкова поместила следующий пассаж. «Ne vins pas, mais unvoya une letter qui se presentois un tout et du son ignorance et de son ivres. Cette lettre écrite par Alexis Orlov prouvais bien

clairement que l'impérat.[rice] n'avait pas de part à cet assassinat. Elle fut trouvé après sa mort dans la cassette. Paul I en la lisant devant le prince Besborodka et douze autre personnes ne put s'empêcher de s'écrier «Dieu soit loue car ce papier prouve qu'elle n'était pas complice dans ce meurtre de mon Pere»³⁴. Другими словами: «Не поехал, но отправил письмо. Все оно запечатлено и его невежество, и состояние опьянения. Это письмо, написанное Алексеем Орловым, ясно доказывает, что императ. [рица] не принимала участие в убийстве. Оно было найдено Павлом I после ее смерти в шкатулке. Читая его князю Безбородко и дюжине других персон, Павел не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть: “Слава богу! Эта бумага доказывает, что она не была пособницей в убийстве моего Отца”».

Впрочем, странным это замечание выглядит только в том случае, если под письмом, написанным Орловым сразу после убийства, подразумевать тот текст, который был составлен Ростопчиным. В самом деле, странно. Разве Дашкова не заметила кричащего противоречия между текстом Ж.-А. Кастера, который она, несколько скорректировав, одобрила, и апокрифическим текстом Ростопчина. Кастера в деталях описывает преднамеренное убийство, согласно же ростопчинскому тексту убийство произошло случайно и неведомо как.

Сопоставляя текст маргиналии Дашковой с текстом ростопчинского апокрифа, нетрудно заметить: княгиня, характеризуя письмо, говорит лишь о невежестве и опьянении автора. Однако она ни словом не обмолвилась о том, что автор потрясен случившимся, поражен страхом перед неизбежным наказанием, молит о пощаде.

По-видимому, Е.Р. Дашкова имела в виду совсем другой текст. В самом деле, в секретных пакетах бывшего Государственного архива Российской империи, сохранились два письма А.Г. Орлова Екатерине II из Ропши³⁵. Первое датировано 2 июля 1762 г. Второе не имеет даты, точнее край текста, содержащей ее, оторван. В 1907 г. они были опубликованы в академическом собрании сочинений Екатерины II. В первом письме Орлов сообщает о том, что Петр III опасно заболел: «Только урод наш очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтоб он в сегодняшнюю ночь не умер»³⁷. Во втором же письме речь уже идет об ожидании близкой смерти бывшего императора: «Матушка наша милостивая государыня. Не знаю, что теперь начать, боюсь гнева от вашего величества, чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили и чтоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России также и закона нашего. А теперь и тот

приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспмятстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит бога, чтоб он скорее с наших рук убрался. А оной же Маслов и посланный офицер может вашему величеству донести, в каком он состоянии теперь, ежели обо мне усомниться изволите. Писал сие раб ваш <ве>рны<й>»³⁸.

Поскольку это письмо дошло до нас, а секретные бумаги, оставшиеся после смерти императрицы, рассматривались Павлом, нет никакого сомнения, что сын Екатерины был знаком с этим письмом. Из текста его при желании можно вывести заключение о том, что Петр III не был убит по приказу супруги. Орлов опасается, что смерть свергнутого царя вызовет гнев императрицы и она может заподозрить карауливших арестанта в преднамеренном убийстве. Это как будто оправдывает Екатерину II. Хотя такое заключение выглядит и не очень убедительно. Вместе с тем про текст подлинного письма Орлова можно сказать, что он написан довольно безграмотно. Чего стоит выражение «чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили». Или еще выразительнее: «чтоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России». Если верить, как утверждал Ж.-А. Кастера, что Орлов пил с Петром, прежде чем его убили, то «ignorance», то есть «невежество» писавшего, можно вполне вывести из «son ivres» — состояния опьянения.

Очевидно, Е.Р. Дашкова писала свои замечания на книгу Кастера, опубликованную впервые в 1797 г., вскоре после ее выхода в свет. Обладая обширными связями при дворе, она могла знать и об обнаружении письма Орлова по кончине Екатерины, хотя в тот момент ее самой не было в столице. Видимо, именно его княгиня и имела в виду, когда писала свои замечания на книгу Ж.-А. Кастера.

Когда же в 1803 г. Дашкова с помощью М. Вильмот принялась за свои воспоминания, эти маргиналии были использованы при создании «Mon histoire». В рукописи, написанной рукой Мартой Вильмот, сохранившейся в воронцовском архиве, этот сюжет, связанный со смертью Петра III, был представлен следующим образом.

Прежде всего, Дашкова постаралась подчеркнуть, что ни императрица, ни она сама не могли быть причастны к смерти Петра хотя бы уже потому, что это скоропостижная кончина была не в их интересах, так как она могла погубить их репутацию. Убийство произошло слишком рано, это-то и является важным доказательством их не причастности к этому преступлению: понимая, какой вред в глазах не только России,

но и всей Европы это могло бы принести, императрица не стала бы отдавать приказа об умерщвлении своего супруга. Об этом, собственно, и свидетельствуют диалоги, помещенные в тексте «Записок».

«Quand on reçut la nouvelle de la mort de Pierre III, j'en fus si touchée, si indignée, quoique mon coeur se refusât à croire l'impératrice complice du crime d'Alexis Orloff, que ce n'est que le lendemain que l'on put me persuader d'aller chez elle. Je la trouvai alors triste et déconcertée. Elle me dit ces propres mots: *que je suis affectée, même terrassée par cette mort*. “C'est trop tôt pour votre gloire et la mienne”, repliquai-je. Le soir, dans les appartements de l'impératrice, je fus assez imprudente pour dire que j'espère qu'Alexis Orloff sentira plus que jamais que nous ne sommes pas des êtres qui peuvent à l'unisson se trouver sur la même chaise; que j'avais la fierté de croire qu'il n'osait jamais m'accoster. Tous les frères devinrent mes ennemis implacables, et Alexis, de retour de Ropcha, malgré son insolence, a été plus de 20 ans sans oser m'adresser la parole. Si l'on osait soupçonner l'impératrice d'avoir ordonné ou connivé au meurtre de son époux, je donnerai ici une preuve du contraire: la lettre d'Alexis Orloff que sa majesté a soigneusement conservée dans sa chatouille, que Paul après sa mort fit ouvrir. Il ordonna au prince Besborodko de lui faire la lecture des papiers qu'elle contenait, et quand il en vint à la lecture de cette susdite lettre, il fit le signe de la croix en action de grâce en disant: “le peu de doutes que j'avais sur ce sujet sont, Dieu soit loué, détruits par cette lettre”. Elle était de la propre main d'Alexis, qui écrivait comme un portofaix; la bassesse de ses expressions, l'incohérence, suite de ce qu'il était ivre-mort, les supplications qu'il y fait pour obtenir son pardon, et l'espèce de surprise qu'il témoigne lui-même sur cette catastrophe, rendent cette pièce intéressante pour ceux qui voudraient détruire les horribles calomnies que l'on a semées avec profusion contre cette princesse, qui, si elle avait des faiblesses, était incapable d'aucun crime. Tout ivre de vin et de terreur, Alexis expédia cette belle épître, quelques moments après la mort de Pierre III, à sa majesté. Quand, après la mort de Paul, je sus que cette lettre n'avait point été détruite et que Paul l'en avait entendu la lecture devant l'impératrice son épouse et m-elle Nelidoff, qu'il ordonna de la montrer aux grands-ducs et au comte de Rostopchine, j'ai été si contente; si gaie comme il m'est arrivé fort rarement dans ma vie de l'être»³⁹.

«Когда пришло известие о смерти Петра III, меня оно чрезвычайно поразило, сердце отказывалось верить, что императрица — соучастница преступления Алексея Орлова. Только через день я смогла пересилить себя и поехать к ней. Она выглядела печальной и расстроенной и сказала (это ее собственные слова): “Как меня взволновала, даже поразила эта смерть”. “Она случилась слишком рано и для вашей, и для моей славы, — ответила я”.

Далее Дашкова рассказала о том, что на следующий день вечером в покоях императрицы она «весьма неосторожно» высказалась о том, что отныне она не будет иметь ничего общего с Алексеем Орловым, который, как ей хочется надеяться, никогда не посмеет с ней заговорить. С тех пор братья Орловы стали ее непримиримыми врагами. Этот пассаж служил как бы индульгенцией княгини. Она не только была причастна к убийству, но и самым резким образом осудила убийцу и из-за этого нажила себе смертельных врагов на всю оставшуюся жизнь.

Очистившись от личных обвинений, Дашкова поместила далее очень важный фрагмент, который должен был снять какие-либо подозрения в причастности к убийству Екатерины II, полностью обелить ее. «Тем, кто посмел подозревать императрицу в том, что она приказала убить супруга или была причастна к его смерти, я представлю здесь доказательства противного: известно письмо Алексея Орлова, которое Ее Величество тщательно берегла в своей шкатулке, вскрытой Павлом после смерти матери. Павел приказал князю Безбородко прочесть бумаги в ней содержащиеся, и когда князь приступил к чтению вышеназванного письма, перекрестился и сказал: “Слава Богу, малейшие сомнения, какие у меня могли бы быть, исчезли благодаря этому письму”.

Письмо было написано собственноручно Алексеем Орловым. Писал он, как грузчик: вульгарность выражений, бессвязность мыслей совершенно пьяного человека, мольбы о прощении и какое-то недоумение перед случившимся — все это делает этот документ чрезвычайно интересным для тех, кто хотел бы разоблачить ужасную клевету, широко распространяемую против Екатерины, которая, если она имела слабости, была неспособна на преступление. Смертельно пьяный, не помня себя от ужаса, Алексей Орлов отправил императрице свое послание спустя несколько минут после того, как Петра III не стало.

Когда после смерти Павла I стало известно, что письмо не было уничтожено и что Павел велел читать его вслух в присутствии своей супруги и госпожи Нелидовой, показал письмо великим князьям и графу Ростопчину, я была так счастлива, так весела, как редко в жизни»⁴⁰.

Нет никакого сомнения, что в этом примечании речь идет об апокрифическом тексте. Автор «Записок» почти дословно воспроизводит выражения, содержащиеся в объяснении Ростопчина. Очевидно, именно для этих целей и была создана литературная мистификация. Желая заручиться расположением княгини, Ростопчин согласился «подыграть» ей. Он прекрасно понимал, что нет лучшего способа, чтобы ублажить подругу Екатерины, чем способствовать тем задачам, которые ставились Дашковой, когда она принималась за создание своих «Записок», — обелить память Екатерины II, защитить от наветов ее репутацию.

Если рассмотреть созданное Ростопчиным письмо Алексея Орлова в контексте «Mon histoire», то трудно избавиться от впечатления, что апокриф идеально ложится в это сочинение, и даже более того — специально для него и создан. Ибо трудно придумать какую-либо другую литературную мистификацию, которая в большей степени отвечала целям, стоявшим перед Дашковой, когда она бралась за перо. Княгиня сознавала, что ее историческая жизнь неразрывно связана с жизнью Екатерины II. И все обвинения государыни косвенно ложатся и на нее, потому что именно она сделала свою подругу императрицей, хотя и через труп мужа. Но какие княгиня могла привести аргументы о своей непричастности к ропшинской трагедии? Указать, что понимает: смерть Петра, случившаяся сразу после переворота, набрасывает тень на это славное деяние. Но это слишком слабый аргумент. Необходимы были веские свидетельства. И Ф.В. Ростопчин их представил. И дифирамбы княгини, расточаемые опальному павловскому любимцу, во время фавора которого она была сослана в новгородское имение, означали, что он ей сильно угодил. Угодил на почве преклонения перед памятью Екатерины, бесконечно дорогой для Дашковой. Недаром Дашкова завещала душеприказчику после своей смерти «портрет ее величества Великой Екатерины, что в трауре и красной ленте, который в спальне, отдать графу Ростопчину»⁴¹.

Это подарок знаковый. Портрет в спальне, видимо, один из любимейших. И кому? Графу Ростопчину. Очевидно, вполне заслужил такую честь. Дашкова в долгу не осталась. Благодаря ее стараниям в де-

кабре 1809 г. Ростопчин был представлен Александру I во время посещения им Москвы. С этого момента началось восхождение Ростопчина на пост московского генерал-губернатора причем этим постом он был обязан всецело покровительству любимой сестры царя, которой тоже была доставлена копия ростопчинского письма «Алексея Орлова». Создание по-своему выдающегося апокрифа, по-видимому, стало ступенькой в этом восхождении.

Очевидно, когда был подготовлен английский перевод «*Mon histoire*» для публикации, М. Вильмот значительно переработала текст. Пожалуй, самое важное дополнение, которое она себе позволила, заключалось в утверждении, что письмо, написанное Алексеем Орловым, существует⁴².

В 1881 г. вместе с копией письма Орлова Екатерине в том же томе «Архива кн. Воронцова» П.И. Бартенев опубликовал французскую рукопись «*Mon histoire*», сохранившуюся среди семейных бумаг этого рода. В том же году в Англии была обнаружена французская рукопись «Записок» Дашковой, сохранившаяся в семейном архиве Брэдфорд (год спустя ее передали в библиотеку Британского музея). Обе рукописи, отражавшие разные этапы работы над «*Mon histoire*», существенно отличались от текста английской публикации М. Брэдфорд.

Одно из существенных отличий обеих рукописей заключалось в том, что весь фрагмент, рассказывающий о письме Алексея Орлова Екатерине II — важнейшем доказательстве невинности августейшей подруги Дашковой, был помещен автором в подстрочное примечание. И только при подготовке текста для публикации в Лондоне его, значительно отредактировав, включили в основной текст. Видимо, поначалу, на более ранней стадии работы, автору «Записок» этот сюжет еще не был известен. Иначе сообщение о важнейшем документе, оправдывающем российскую императрицу, поместили бы не под строкой. Да и сам текст примечания свидетельствует: о письме Орлова Дашкова узнала не от Екатерины, а только после смерти императрицы, и то далеко не сразу. Сообщение о том, что Павел, прочитав письмо, заключил: оно подтверждает невинность его матери, а также то, что он ознакомил с ним целый ряд лиц из своего окружения, доставило Дашковой ни с чем не сравнимую радость. Значит, ранее княгиня даже не подозревала о таком письме. И очевидно узнала о нем, когда основной текст ее «Записок» был уже написан.

Как же распорядились авторы ««*Mon histoire*» «изобретением» Ростопчина? Ввести его прямо в текст они, очевидно, не могли. Это на-

рушило бы структуру «Записок», в которых не было места публикации документов. Но создатели «Mon histoire» пересказали его суть в примечании. При этом они очень многое добавили из того, чего не было в объяснительной записке Ростопчина. Прежде всего, в примечании говорилось о том, что для Дашковой счастливейшим днем ее жизни был тот, когда уже после смерти Павла I, то есть не ранее 1801 г., она узнала: «Письмо это вовсе не было уничтожено». Княгиня радовалась, как никогда⁴³.

Из этого пассажа явствовало: хотя Ростопчин в уста А.А. Безбородко вложил категорическое утверждение о том, что Павел сам уничтожил этот важнейший документ, автор «Записок» создавал у читателя иллюзию: этот важнейший документ существует. В английском же издании, подготовленном Мартой Брэдфорд, уже категорически утверждалось, что несомненное доказательство («absolute proof») находится во все еще существующем письме («letter still existing»)⁴⁴.

Обращает на себя внимание: у Ростопчина говорилось лишь о том, что письмо А. Орлова читали Павел I, А.А. Безбородко и сам Федор Васильевич. В рукописи «Mon Hisoire» из воронцовского архива круг читателей — свидетелей невинности Екатерины — уже больше. Тут, помимо названных Ростопчиным, присутствуют императрица Мария Федоровна, фаворитка царя Е.И. Нелидова, а также великие князья, видимо, Александр и Константин. В замечаниях на книгу Ж.-А. Кастера Дашкова написала: «Douze persones», то есть «дюжина персон». Кроме того, для усиления эффекта в «Записках» Дашковой оправдание Екатерины вложено в уста ее сына. Он произносит историческую фразу: «Слава Богу! Малейшие сомнения, которые у меня были, теперь окончательно исчезли благодаря этому глупому письму» («Le peu de doutes que j'avais sur ce sujet sont, Dieu soit loué, détruits par cette sottie lettre»)⁴⁵.

У Ростопчина, как помним, Павел лишь жалеет о том, что уничтожил «памятник невинности» своей матери. Налицо очень существенная переработка с целью усиления эффекта. В английском издании Марта Брэдфорд отредактировала весь этот пассаж. Во французском тексте вначале рассказывается, что Павел нашел после смерти матери в ее шкатулке письмо А. Орлова. Затем говорится: перекрестившись, Павел произнес слова о невинности матери. После этого дается характеристика письма, на основании которой нельзя не прийти к заключению о невинности Екатерины в убийстве мужа. Наконец, сообщается: только после смерти Павла Дашкова узнала о том,

что письмо не было уничтожено и читалось в присутствии других лиц, и это сделало ее необыкновенно счастливой.

М. Брэдфорд выстроила текст по-другому. Вначале сообщается: до сих пор существует документ, который убедительно опровергает клевету на Екатерину. Затем дается характеристика этого письма, и на ней основывается это опровержение. Далее сообщается: Екатерина тщательно сохраняла этот важный документ в своей шкатулке. После ее смерти Павел приказал вскрыть шкатулку и при чтении содержавшихся в ней документов при свидетелях произнес фразу о том, что письмо Орлова уничтожает малейшие сомнения в невинности матери. Далее следовал общий вывод. Для всех, кто благоговеет перед памятью Екатерины, ничего не может быть утешительнее, чем это открытие. И хотя сама Дашкова никогда не сомневалась в невинности Екатерины, ничто не могло принести княгини такого удовлетворения, как определенность существующего документа, который навсегда заставит замолчать клеветников⁴⁶.

Очевидно, перестроив текст, Марта удалила из него утверждение о том, что Дашкова узнала о существовании документа только после смерти Павла. Это и понятно. Раз Дашкова была так близка с Екатериной, странно бы выглядело, что императрица скрыла от нее существование этого важного документа. Это звучало очень не убедительно. Надо было бы как-то объяснять читателю, почему это могло произойти. Марта объявила: Екатерина тщательно хранила такой документ в шкатулке среди важных бумаг и никому не показывала. Его открыл Павел, и Дашкова среди прочих узнала об этом, но когда именно это произошло, не уточнялось.

Переработка текста свидетельствует о том, что Марта совершенно свободно обращалась с фактами, выстраивая их таким образом, чтобы они могли служить главной идеи книги, несколько не заботясь об их достоверности. А это позволяет задаться вопросом, не была ли она участницей той сознательной мистификации, которую предпринял Ростопчин с целью добиться расположения Дашковой.

Остается неизвестным, мистифицировал ли Ростопчин Дашкову, добиваясь поставленной цели, и она поверила ему, либо же сама Дашкова каким-то образом оказалась косвенно причастной к созданию этого апокрифа. Несомненно одно: распространением этой версии посредством публикации своих мемуаров Дашкова при помощи Вильмот приложила руку к введению в научный оборот апокрифа Ростопчина как подлинного документа.

1. Memoires of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all Russias: Written by Herself. V.I. London, 1840 (далее: Дашкова. 1840).
2. Об этой книге см. подробно: Сафонов М.М. «Записки» Е.Р. Дашковой и их авторы // Е.Р. Дашкова: великое наследие и современность. М., 2009. С. 83–151.
3. Дашкова. 1840. Р. 108–109.
4. Архив князя Воронцова. Т. XXI, М., 1881 (далее: АВ, XXI). С. 430; РГАДА. Ф. 1261. № 3141. Л. 1–2.
5. АВ, XXI. С. 431–432.
6. Иванов О.А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1996. № 2. С. 36–38; № 3. С. 25–28.
7. Там же. № 3. С. 26.
8. Там же. № 2. С. 36.
9. Там же. № 2. С. 37.
10. Там же. № 3. С. 28.
11. Там же. С. 28–29.
12. АВ. XXI. С. 432.
13. Там же. С. 431.
14. Иванов О.А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1996. № 3. С. 27.
15. Там же. № 1. С. 40.
16. Божерянов И. Великая княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888. С. 8.
17. Русский архив. 1887. Кн. I. С. 175.
18. Деятнадцатый век. М., 1872. Кн. 2. С. 37.
19. Русский архив. 1887. Кн. I. С. 360–361.
20. Записки княгини Дашковой: Письма сестер Вильмот из России. М., 1991. (далее: Дашкова. 1991). С. 307.
21. Там же. С. 323.
22. АВ. XXI. 374.
23. Дашкова. 1840, I, XXII–XXVIII; Дашкова 1991. С. 38.
24. [Castèra J. — Н.] Vie de Caterine II, impératrice de Russie. Т. I–II. Р., 1797.
25. Корнилович-Зубашева Е.О. Княгиня Е.Р. Дашкова за чтением Кастера // Сб. статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 357.
26. Castèra J. Н. Histoire de Caterine II, impératrice de Russie. Т. I–III. Р., 1800.
27. Rulhier C-C. Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762. Р., 1797.
28. [Cstèra J. — Н.] Vie de Caterine II... Р. 271, 278, 314, 315.
29. Thiebaut D. Souvenirs de ving ans de sejour à Berlin. Paris, 1860. Р. 13–14; (Тот же случай, но несколько по-другому излагает Иоанн-Бенедикт Шерер,

уроженец Страсбурга, находившийся в русской службе. (ОР РНБ. Фр. IV. 157. F. 39). Сомов В.А. «Президент трех академий» Е.Р. Дашкова во французской «Россике» конца XVIII века // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 40.

30. [Castèra J. — Н.] Vie de Catherine II... Т. I. P. 275–277.

31. ОРК БАН РАН. Q. 495. P. 275.

32. Ibid.

33. Ibid. P. 276.

34. Ibid. P. 277.

35. РГАДА. Ф. 1. № 20.

36. Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. 2-й полутом. СПб, 1907. С. 766–767.

37. О.А. Иванов воспроизвел факсимиле этого письма. (Иванов О.А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 1. С. 14).

38. О.А. Иванов также воспроизвел факсимиле этого письма. (Там же. № 11. С. 11).

39. АВ. XXI. С. 93–94.

40. Дашкова. 1991. С. 90.

41. АВ. XXI. С. 417.

42. Дашкова. 1840. I. P. 108.

43. АВ. XXI. С. 94.

44. Дашкова. 1840. I. P. 108.

45. АВ. XXI. С. 94; Дашкова. 1991. С. 90.

46. Дашкова. 1840. I. P. 109.